

16+

ДЖАВИД АЛАКБАРЛИ

*Белый
алкоголик*

Джавид Алакбарли

Великий алкоголик

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67319055

SelfPub; 2022

Аннотация

Эта история основана на реальных фактах, связанных с открытием дома-музея Мусоргского в Санкт-Петербурге. А ещё эта история великой любви двух неординарных людей. Их чувства друг к другу, безграничная преданность русской культуре и любовь к музыке Мусоргского смогли вызвать к жизни все эти необычные события. Очевидно, что автора написание всего этого, вдохновила история жизни двух великих музыкантов – Галины Вишневской и Мстислава Ростроповича. Нигде в тексте не упоминаются их имена. Но сама канва событий является ярким подтверждением того, что именно они послужили прототипами этих главных героев.

Джавид Алакбарли

Великий алкоголик

Он впервые вышел из своего дома через двор. Так уж получилось. У парадного входа в его дом с набережной Кутузова толпились какие-то непонятные люди. Может специально его поджидают, а может оказались там чисто случайно. Вероятность того, что его узнают и придётся вежливо отвечать на какие-то несуразные вопросы, была очень велика. Нет, этого он точно не хотел. Лучше перестраховаться. Решив идти через двор, он прошёл арку и свернул на Шпалерную улицу. И тут какая-то неведомая сила заставила его остановиться. В голове у него зазвучал приказ:

– Иди купи водку!!!

Потом приказ повторился. Спустя минуту он уже превратился в просьбу. Всё тот же голос, но уже с просящими нотками, убеждал его:

– Ну пожалуйста, прямо сейчас. Иди и купи.

Он ничего не мог понять. Откуда идёт этот то ли приказ, то ли просьба? Обернулся в сторону арки. И был просто ошарашен. Рядом с аркой висела мемориальная доска. На ней было чётко указано, что здесь расположен дом, в котором жил Модест Петрович Мусоргский.

Для него это было знаковое имя. Прежде всего, потому, что это был русский композитор, перевернувший все пред-

ставления о том, что такое российская композиторская школа.

Он дирижировал его произведениями с самыми знаменитыми оркестрами мира. Успех каждый раз был просто ошеломительный. Но Мусоргский славился не только своей великолепной музыкой и любовью к русской истории. Его имя всегда было связано с попытками понять сущность русской души и раскрыть природу такого уникального явления, как русский бунт. Равно, как и переосмыслить суть раскола в русской церкви.

А ещё Мусоргский был алкоголиком. Не просто алкоголиком, а именно Великим алкоголиком. Алкоголь не отпустил и не простил Модест Петровича. Он его просто убил. В 42 года. Получается так, что сейчас именно он приказывает ему пойти и купить водку. Выбора не было. Он ни на минуту не усомнился в том, что приказ надо выполнять. Забыв про все свои дела, он отправился в магазин за водкой. Водки он купил много. Купил бы больше, но просто не дали. Да и эти 10 бутылок дали потому, что водку то он купил самую дорогую. С тех пор как её завезли в магазин, её просто никто не покупал. Все предпочитали что-нибудь попроще и подешевле. Но купить по просьбе самого Модест Петровича дешёвую водку было бы кошунством. Приказ был исполнен. Надо было возвращаться.

Он вернулся к этой арке. Нашёл квартиру, в которой когда-то жил Мусоргский. Тогда это были меблированные ком-

наты. Обедневший, даже обнищавший Мусоргский фактически здесь снимал жильё. Сейчас это была обычная петербургская коммуналка. Он беспрерывно нажимал на все звонки, которые были на этой двери. Подряд. Дверь ему открыла женщина, домывающая пол в коридоре.

– Голубушка, дорогая, собери-ка ты всех, кто здесь живет, на кухне. Я хочу выпить вместе с вами. Вот и водку принёс. Народ собрался быстро. Тост его был предельно прост.

– Помянем раба божьего Модеста.

Помянули. И раз, и два, и три. Закуска у каждого была своя. Он не закусывал. Пока пили, никто ничего у него не спрашивал. Тишину нарушил он сам:

– У меня к вам есть совершенно сумасшедшее предложение. Наверное, никому из вас не хочется жить в коммуналке. Ведь так?

Все подтвердили:

– Да, не хочется.

– Я так и думал. Так вот, хочу каждому из вас купить отдельную квартиру. Но у меня есть одно условие. Предложение действительно только в течение недели. Сейчас же идите и ищите. По площади она должна быть почти такая же, как ваша комната в этой коммуналке. Может быть чуть больше. На пару-тройку метров.

Через несколько минут он остался один на этой кухне. Он был ошарашен скоростью, с которой они разбежались. Как сразу они поверили, что это не шутка, не розыгрыш, не

какая-то пакость. Потом он понял, что они его просто узнали. Ведь он уже расселял коммуналки, которые раньше были в доме, где он сейчас жил. Слухом земля полнится. Ведь всё-таки это был один двор.

Где же это видано, чтобы русский человек оставил недопитую водку и куда-то сбежал? Но факт оставался фактом. На столе было ещё несколько бутылок водки, а пить уже было некому. Хорошо, что ещё до их массового бегства, он вручил каждому из них визитку со своими координатами и объяснил, что придёт завтра снова. Уже вечером. Но вечер не помеха тому, чтобы помянуть раба божьего Модеста и узнать о результатах их поисков.

На следующий день он пришёл не один, а со своими помощниками. Снова принёс водку. Все вопросы по приобретению нового жилья были решены максимально быстро. Как всегда, это бывает, конечно же, нашлась пара жильцов, категорически не желающих выезжать и диктовавших свои невыносимые условия. Тогда он пригласил юриста, риэлтора и архитектора. Разделил квартиру так, чтобы у не желающих покинуть свои комнаты, был отдельный вход и выход. Разгородил жильё. Всё равно коммуналка была гораздо больше, чем жилище Мусоргского. К счастью, комнаты где он жил, выкупить удалось.

В результате он оказался владельцем уникальной изолированной квартиры. Он обошёл все комнаты. Ему казалось, что эти стены до сих пор хранят память о великом музы-

канте. Это было его последнее пристанище на нашей грешной земле. Отсюда он шагнул в вечность и приобщился к бессмертию. Именно здесь ему и предстояло создать квартиру-музей Мусоргского.

Впереди оставалось самое тяжёлое и сложное. Это, конечно же, был разговор с женой. Когда он вернулся домой, то обстоятельно, в деталях и подробностях, рассказал жене о том, чем занимался все эти дни. Долго и витиевато извинялся за то, что проделал всё это без неё. У него были веские оправдания – её не было в эти дни в городе. Как и ожидалось, едва выслушав его, жена устроила скандал. Она принялась ему очередной раз доказывать, что он просто идиот, каких ещё не видывал белый свет. Отошла она через пару дней. Видимо ей просто надо было дать остыть.

Как всегда, она умело переводила его эфемерные планы в практическую плоскость. Для себя она видимо что-то уже решила. Ему же она просто озвучила свой боевой приказ:

– На завтра ничего не планируй. Поедем в Петергоф.

На всякие его «зачем и почему» у неё уже был готов ответ:

– Ты же помнишь, что, когда мы ремонтировали свой дом, я приглашала мастеров именно из Петергофа. После войны они долгое время занимались восстановлением всего Петергофского комплекса. Там за эти годы собралось столько умельцев! Таких больше нигде нет. Надо с ними посоветоваться. Там уже и решим, что будем делать.

Как всегда и везде, его жену в Петергофе встречали

как царицу. Уже с первых минут они её попросту называли «государыня». Сначала они приехали в одну мастерскую, где занимались реставрацией мебели. Жена тут же начала разъяснять, что, зачем и с какой целью они ищут.

– Мы создаём квартиру – музей. С нуля создаём. Здесь есть масса нюансов и их всех надо принять во внимание. Прежде всего это, конечно же, личность самого Мусоргского. Надо учесть то, что Модест Петрович был потомственным дворянином. Значит, вся обстановка должна соответствовать его происхождению. А с другой стороны, всё-таки это не его собственное жильё. Это просто меблированные комнаты. Кстати, я выяснила, что в одной из этих комнат жил Голенищев-Кутузов. Его Модест Петрович очень ценил как поэта. Писал романсы на его стихи. Говорил, что он единственный настоящий поэт на Руси после Пушкина. Удивительное совпадение, но на днях я случайно купила в антикварном магазине гобелен «Совет в Филях».

Как всегда, его жена попутно занималась просветительством. Она вкратце рассказала мастеровым, что перед битвой под Бородино, полководец Кутузов проводил в деревне Фили военный совет. Детали сражения с Наполеоном были выработаны именно там. Там же созрел коварный план того, как, впустив Наполеона в разорённую, горящую Москву, обратить его победу в поражение. Рассказала кто такой Голенищев – Кутузов и кем он приходится великому полководцу.

Потом они, по совету мебельщика приехали в мастерскую

по изготовлению тканевых обоев. Он очень удивился тому, что в руках у жены, вернее у её помощницы, были снимки, фотографии и различные материалы, создающие впечатление об обстановке в квартире Мусоргского. Когда же она успела всё это сделать? Всё-таки удивительный она человек. Её шаги и поступки невозможно предсказать. Слишком неординарна.

Этот мастеровой проникся таким доверием к его жене, что уже рассказывал ей обо всём, что его волновало. Не имеющем, между прочим, никакого отношения ни к Мусоргскому, ни к обоям. Так делятся наболевшим с самыми близкими людьми. А народу в мастерской становилось всё больше и больше. Практически, все галдели и говорили одновременно. Он время от времени подключался к разным группам. В одной из них пожилой обойщик сокрушался:

– Да, теперь мы не в моде. А ведь когда-то за реставрацию Петергофа простой паркетчик стал лауреатом Госпремии. А сколько же там работало художников, мебельщиков, реставраторов! Кого-то уже нет в живых, кто-то переехал, а некоторых вообще за границу сманили.

Казалось, что весь этот разговор невозможно будет прервать. Но, как всегда, его жена нашла ключ ко всем этим людям. И к этому разговорчивому мастеру по имени Ваня. Буквально после нескольких её слов он забросил все свои дела и повез их к ещё одному мебельщику. Все остальные заверили их, что будут дожидаться их здесь, в этой мастерской. Вто-

рой мебельщик был категоричен.

– Нет, нет, без Вадима Валентиновича у нас ничего не получится. Он знает всех. Да, у него в картотеке куча имён. И никто ему не откажет. А то поедем к каким-то аферистам, которые «новодел» всучат нам, как оригинальную мебель 19 века.

– Кто это?

– Да это директор Петергофского музея. К нему хорошо было бы зайти посоветоваться.

Но Ваня с этим категорически не согласился.

– Да не нужен нам никакой Вадим Валентинович. Поехали к Кудеснику. Вася, ты тоже поедешь. Он тебя сильно уважает.

У Кудесника они застали фантастическую картину. Положив перед собой большую стеклянную кружку, тот вливал туда одновременно пиво и шкалик водки. Потом он очень медленно, небольшими глоточками вылил это всё в себя. Было такое ощущение, что он прислушивается к себе, пытается понять, как подействовал этот «ёрш» на его организм.

Видимо, результаты его удовлетворили. Потому, что он улыбнулся и произнёс загадочное слово:

– Привилось!

Ваня тут же принялся объяснять:

– Понимаете тут дело тонкое. Вчера мы с ним хорошо поддали. У меня-то всё просто. С утра выпил рассольчику, тяпнул рюмочку и всё. Но он видимо вчера сильно перебрал.

Если б сегодня эта водка и пиво «не привились бы», у него начался бы очередной запой. Ну, а это считай, что дней десять мы бы до него так и «не достучались бы».

Тут же уже мы все вместе обрадовались, что «привилось». После этого начался такой высокопрофессиональный разговор об особенностях и видах различных запоев, что казалось, что ему не будет конца и края. Он решил вмешаться.

– Вы знаете, для музея Модеста Петровича...

Договорить ему не дали. Вокруг имени Мусоргского, как великого алкоголика, оказывается бытовало такое количество анекдотов, небылиц и разных всяких душещипательных историй, что их можно было выслушивать до утра. Он сам того не ведая, подбросил сухих дровишек в уже угасающий костёр разговора.

– А вы знаете, что его в конечном счёте сгубила та бутылка водки, которую по его просьбе ему в больницу приволок чей-то денщик? Его лечение и водка были несовместимы. Царство ему небесное. Ведь знал всё, а выпил.

– Да причём здесь денщик? Это всё Репин. Ну, художник Илья Репин. Он же за три дня до смерти пришёл рисовать его портрет и «дорисовался». У него всегда было так. Кого рисует, тот сразу же и умирает.

Он потерял дар речи от таких обвинений в адрес Репина. А потом задумался. Чёрт побери, а ведь какая-то злая закономерность в этом была.

– А какой был почерк у Модеста! Вот вы говорили здесь

про Голенищева-Кутузова. Тут делали вручную переплёт для каких-то редких нот Мусоргского, так там просто изумительным почерком было написано: «Посвящается Графу Арсению Александровичу Голенищеву-Кутузову».

Тут в разговор вступила жена:

– Я знаю, что это. Это вокальный цикл «Без солнца». Всего шесть романсов. Но какие это романсы! А при жизни Мусоргского это называли «потокотом музыкальных нечистот» и «музыкой одиннадцатой версты». Вы же знаете, что на одиннадцатой версте от Петербурга располагалась больница для душевнобольных. А теперь все музыковеды захлёб твердят о том, что эта музыка опередила своё время на целый век.

А потом разговор уже пошёл о том, каким изысканным денди и донжуаном был Модест Петрович.

– А ведь до сих пор остаётся тайной за семью печатями информация о его взаимоотношениях с сестрой Михаила Глинки. Вроде были очень близки, переписывались, в друг друге души не чаяли – но не срослось.

Потом мастеровые вспоминали какую-то кабацкую певицу, для которой Модест Петрович не просто снял квартиру, а даже поселился вместе с ней. Вспомнили какую-то Надежду Петровну, которой он посвятил чудесный романс. И певицу Дарью Леонову, с которой гастролировал. И все сокрушались – столько было женщин, но так и не женился. Значит, так и не встретил ту единственную.

Это был тот городской фольклор, где факты и небыли-

цы, переплетаясь образуют ту фантастически притягательную ткань анекдотов и баек, которая имеет такое же право на существование, как и солидные музыковедческие труды. Тут ложь от правды отличить было невозможно.

– А говорят, что на вечере памяти Достоевского, Модест Петрович сел за рояль и сыграл такое посвящение покойному, что все прослезилась. Ну как вам? Вот так, с лёту, за одно мгновение – и сразу шедевр.

Дальше уже каждые десять минут звучала лишь одна фраза: «Помянем раба божьего Модеста» Он удивился тому, что пить то они пили, но и про дело не забывали. Всё время шло обсуждение того, где что можно купить отреставрированное, а что придётся делать заново. Благо есть аналоги и в Петергофе, и в других музеях. Их просто надо будет повторить.

Жена всё время вмешивалась в эти обсуждения, внося коррективы и уточняя детали. Она просила, чтобы обязательно нашли фортепьяно того времени. Конечно, точно такой же инструмент, что был у Мусоргского найти, не удастся, но это должна быть та же фирма. А инструмент обязательно надо искать из изготовленных в те годы.

– Государыня, дай адрес. Мы здесь всё обмозгуем, разузнаем у кого что есть. Завтра же приедем к тебе. Не бойся. Возьмём с тебя по-божески. Для брата Модеста нам ничего не жалко. Не всё в наших руках, но попытаемся всё сделать по-людски. Езжайте и не о чём не думайте. Чем сможем – поможем. Сам бог велел. Тут такое святое дело.

Домой ехали уставшие. Но довольные. Вроде пока ещё ничего не сделано, а такое ощущение как будто в их жизни произошло что-то очень важное. Жена тут же уснула в машине. Он смотрел на неё с какой-то, удивляющей его самого, нежностью. Не совсем так, конечно, как почти, полвека назад. Что-то убавилось, что-то прибавилось. Но и сегодня эта женщина, во многих отношениях, так же поражала его воображение. Он поневоле вспоминал то, что произошло много лет тому назад в одно прекрасное утро в роскошном пражском отеле.

Он до сих пор помнит, что в этом отеле была фантастической красоты лестница. Она была каким-то волшебным образом устроена так, что спускающегося сверху человека было видно, как бы, не сразу, а по частям. Сначала он увидел ноги. Поразился. Взгляд скользнул выше и не разочаровал его. Когда он увидел её лицо, было уже поздно вызывать спасателей, медиков, бригаду скорой помощи, да и просто каких-то магов, шаманов и волшебников, чтобы вернуть его к жизни. Как он потом не раз повторял, он был убит в одно мгновение. Решение жениться он принял в ту же секунду. Дело было «за малым». Надо было убедить её в том, что она обязательно должна выйти за него замуж.

Самая большая трудность заключалась в том, что она уже была замужем. Муж её был директором филармонии. Конечно, ему, хоть и знаменитому музыканту, было трудно тягаться с ним во многих отношениях. Начав наводить о ней справ-

ки, он удостоверился в том, что этот директор окружил её обстановкой всемерного обожания. Он воздвиг ей такой величественный пьедестал, что она может и не захочет покидать его. Зачем ей окунаться в обычную жизнь простых смертных? Да, проблем была тьма, но он дал себе слово идти напролом и не сдаваться. Женщины, как известно, любят ушами, а такого трубадура, поющего гимны женской красоте, как он, свет ещё не видывал. Словом, в бой!

Его стратегия была предельно проста. И заключалась она в том, что ему необходимо было всё время смешить её. Женщина, которая смеётся, теряет способность к сопротивлению. А ещё надо было исполнять любые её желания. С этим было сложнее. Как то, во время совместного завтрака, она обмолвилась, что ей хотелось бы солёных огурцов. Он ухитрился купить самую большую хрустальную вазу во всей Праге. Уговорил горничных поставить эту вазу прямо у входа в её номер. Заполнил её до краёв солёными огурцами. Он радовался как ребёнок, что смог увидеть на её лице всю эту гамму чувств – от удивления и восторга до искреннего, так радующего его душу, смеха.

Обо всех тех глупостях, что он творил всё эту неделю, они будут вспоминать многие годы. О ландышах, которые сыпались с неба на её балкон. О милых безделушках, появляющихся там и сям, и снова заставляющих её то улыбаться, то смеяться. О тех анекдотах, которые он не переставал рассказывать. Но всё хорошее когда-то кончается и их праздник

тоже кончился. Они вернулись в Москву. У него в душе жила лишь призрачная надежда на то, что он сможет её увидеть вновь. Не на сцене. Не в шумной компании. А глаза в глаза.

Он понимал, что за то короткое время, что она начала работать в Большом театре, она добилась огромного успеха. Пришла она туда как победительница конкурса на приём в труппу театра. Но слово «пришла» абсолютно не годилось для характеристики её появления. Это хрупкое существо с фантастической красоты личиком и феерическим голосом, ворвалось в Большой театр как метеор. Обычно, от таких открытых конкурсов, в котором участвовала она, не ждут ничего необычного. С таких конкурсов попадают в хористки, а не в солисты. Эта же девочка, которая пела с первых же шагов, что она сделала на этой земле, сразу стала солисткой. Ей без всяких колебаний доверили ведущие партии репертуара того времени.

Конечно же, она от природы была наделена многими талантами. Необыкновенная красота и удивительный голос сочетались в ней с такой жаждой жизни, с такой сумасшедшей энергетикой, что она смогла пережить и голод, и блокаду, и перешагнуть через все тяготы послевоенной жизни в мир своей мечты. Прошло совсем немного времени, и она стала примадонной театра. Этаким эталоном красоты, таланта, дисциплины и упорного, почти каторжного, труда.

Все вспоминали чрезвычайно курьёзный случай. Он вошёл в историю театра как яркий пример того, из какого че-

ловеческого материала получают примадонны. Он произошёл вскоре после того, как она ушла из театра и уехала из страны. Новая исполнительница её роли в опере опоздала выйти на сцену на генеральной репетиции. Когда рассерженный дирижёр стал упрекать её в опоздании, она начала оправдываться:

– Я вовремя пришла. Просто там стоял хор и они меня не пропустили.

– До вас эту роль исполняла наша примадонна. Если бы хор попытался бы не пустить её на сцену, то все хористы были бы сметены в оркестровую яму. Такая энергетика была у этой женщины. Если вас не хватает на то, чтобы преодолеть сопротивление нескольких десятков человек, как же вы собираетесь добиваться внимания сотен зрителей этого, не имеющего аналогов в мире, театра?

До встречи с ней, ему казалось, что он много достиг в этой жизни. Прежде всего того, что благодаря ему виолончель смогла стать по настоящему сольным инструментом. Он получал премии, его игрой восторгались композиторы, которых он считал гениями, специально для него писались новые музыкальные произведения. Но встреча с ней убедила его в том, что без неё он был, есть и будет никто. Потом, размышляя о том, почему всё-таки она дала согласие на этот брак, он поймёт истинную причину её поступка. Её сразило его отчаяние. Она призналась ему, что поверила его словам о том, что он умрёт без неё.

Женитьба на ней – это было самое главное, что он смог сделать в своей жизни. Он до сих пор гордился тем, что ему удалось завоевать эту женщину. Неважно как. Факт остаётся фактом – она всё-таки стала его женой. С того момента, когда она оказалась рядом с ним, его натура приобрела ту цельность, которой ей не доставало всю жизнь. И всё-таки, в глубине души, он искренне надеялся на то, что она его полюбила. Такого, какой он есть. А ещё он был убеждён в том, что она из тех женщин, которые не дают поцелуя без любви.

Да, он не красавец, но разве любят за красоту? Любят просто так. Как его и полюбила она. Да и он то, только в начале их отношений, влюбился в красоту. Восхищение красотой осталось, но у любви же есть ещё столько других составляющих. И то, что эта любовь живёт все эти годы, лишь лишний раз доказывает, что она – явление иррациональное. Доводами рассудка её не понять. В его жизни было много таких моментов, когда он неистово благодарил Бога за то, что тот даровал ему такое чудо. Чудо, оказавшееся рядом с ним и в корне изменившее его жизнь.

Они были идеальной парой. Она его называла Бурагино. Из-за длинного носа. Из-за его излишней доверчивости. Из-за своей непоколебимой уверенности в том, что его всегда обманут. Отберут всё, что у него есть. До последней копейки. И оставят одураченным «на поле дураков».

Он называл её жабой. Той самой жабой, которая поймала стрелу Иван-царевича и обернулась прекрасной царевной.

Он всю жизнь не переставал удивляться тому, как всё-таки они смогли обрести друг друга в этом, полном коварства, мире. Они ведь даже были из разных сказок. Его сказка была сочинена писателем, а её сказка -народной. Даже невозможно себе представить, как трудно героям разных сказок встретиться друг с другом, полюбить друг друга и жить долго и счастливо. Но факт остаётся фактом. Несбыточное стало реальностью в их жизни.

На сцене она сыграла много разных и сложных ролей. Сегодня, спустя много лет, он прекрасно осознавал, что ни одна видеозапись не в состоянии передать того впечатления, которое оставляло её пение вживую. Оно завораживало. Она, как бы, плела своим голосом некое кружево магической силы, делающее слушателя её пленником. В её голосе была та притягательная сила, то волшебное «иди сюда» без которых нет и не может быть великой певицы.

Она была любимицей кинематографа. Сыграла там немало ролей, порой, даже не обращаясь к своему певческому дару. Все эти роли объединяло одно – её предельная искренность. Была всё же в этой женщине какая-то непостижимая тайна, которая помогала ей, удивительным образом, воздействовать на всех людей, с которыми она встречалась. Входила ли она в роскошный парижский дом моделей, шла ли она просто по улице или оказывалась на каком-то торжественном приёме – её всегда сопровождал какой-то шлейф высочайшего женского достоинства. Желание восхищаться ею и

починяться ей. Сегодняшний день, проведённый в Петергофе, ещё раз подтвердил это.

Он прекрасно знал, что характер его таков, что он мог быстро загореться какой-то идеей и так же быстро остыть к ней, столкнувшись с трудностями в процессе её реализации. Жена же, наметив себе цель, могла месяцами и годами идти к её достижению. Когда он уехал на гастроли из Петербурга на полгода, то вернувшись, не узнал этой коммунальной квартиры. Работы по восстановлению, практически, завершились. Это его безумно обрадовало.

Вечером они с женой вспоминали как в 70 годы записывали на парижском радио «Песни и пляски смерти» Мусоргского. Она пела, а он, смилив свою гордость, просто сопровождал её. Но спокойный разговор прервала язвительная реплика жены.

– А ты помнишь, как ты судился из-за этого фильма «Борис Годунов»? Это тебе надо было? Одна формулировка в обращении в суд чего стоила – «за оскорбление русской души».

– А что, я был абсолютно прав. Хоть я и проиграл процесс, но в титры вписали, что я не несу ответственность за искажения, внесённые режиссёром.

– Ты, как всегда, всё сделал не так. Твоё дело-музыка. Ты её записал, отдал, дальше не твоё дело. Как только Анджей Вайда отказался быть режиссёром фильма, тебе надо было умыть руки и уйти. Не умеешь ты вовремя остановиться. А

ведь я тебя предупреждала.

Тогда он сделал то, что делал всегда. Если он не находил достойных аргументов, чтобы возразить жене, то он менял тему.

– Я всё-таки думаю, что надо найти какого-нибудь приличного спонсора и нормально поставить эту дилогию: «Хованщину» и «Бориса Годунова».

В принципе, он был убеждён, что эти две оперы являются, по существу, единым целым. Ведь они посвящены самым трагическим периодам русской истории. Что такое русский бунт? Почему он всегда оказывается столь кровавым и беспощадным? В чём заключаются истинные причины противостояния со староверами? Без музыки Модест Петровича этого не понять. Кстати, и без Пушкина тоже. Его гениальная фраза о народе, который безмолвствует, давно стала ключом к пониманию многих событий, как тех далёких дней, так и новейшей истории.

И вот, наконец, наступил день, когда квартира-музей Мусоргского была готова к тому, чтобы принять первых посетителей. Любой, желающий переступить порог этой квартиры, должен был выпить стопку водки и занюхать чёрным хлебушком. Таков был, по замыслу его жены, входной билет.

Конечно же, первыми гостями музея стали те, кто, своим трудом и талантом, сделали всё это возможным. После того как все расселись, его жена поклонилась им всем.

– Спасибо вам. Без вас это было бы невысказано осуще-

СТВИТЬ.

Она говорила о вкладе каждого. В деталях. Каждый из них и все они вместе были героями этого вечера. Она говорила о том, что не оскудела земля русская талантами и она гордится тем, что ей довелось работать эти полгода бок о бок с ними. Она говорила о том, что Модест Петрович, недооценённый, недолюбленный, почти непризнанный при жизни, обрёл свою славу уже в XX веке. Что этот музей – самое малое, что могут сделать его потомки для того, чтобы почтить память этого гения.

От мастеровых выступил всё тот же Кудесник. Он был краток:

– Спасибо, что позвала. Спасибо, что помогла ощутить себя нужными. Спасибо и за Модест Петровича. Он всё-таки такой родной и близкий нам человек. А за такую женщину, как ты, и на смерть пойти не страшно. А тут такое благое дело.

На том и разошлись. Через пару дней пришли друзья, музыканты, музыковеды. Жена в этот раз не выступала. Лишь вывела его на середину гостиной и повелительным тоном сказала:

– Говори!

Всё его выступление было чистой воды импровизацией. Кто-то мог сказать, что всё, что он говорил было просто признанием в любви – в любви к музыке Мусоргского. Кто-то же мог счесть, что это было всего-навсего яркое выступление

на тему «Мусоргский в моей жизни.» Он благодарил всех музыкантов, которые вместе с ним исполняли эту великую музыку. Он благодарил всех слушателей, которые, услышав творения Модест Петровича, становились его поклонниками и почитателями. Он благодарил судьбу за то, что наконец-таки, для этого композитора в прекрасном, но таком холодном и бездушном Петербурге, нашлось то место, которое можно будет назвать домом Мусоргского.

В квартире вдруг возникла такая звонкая тишина, что кто-то из гостей не выдержал и сказал:

– Тихий ангел пролетел.

И в этой цепляющей за душу тишине прозвучал неожиданный вопрос:

– А что же теперь будет? Сюда можно будет приводить гостей, организовывать экскурсии или просто приглашать туристов?

– Как-то об этом мы и не подумали.

Он несколько дней после этого пытался записаться на приём к высоким чиновникам, от которых могло зависеть решение этого вопроса. Потом встречался с ними. Показывал фотографии и документы. Все встречали его с подчеркнутым уважением. Вспоминали, как он играл на виолончели у Берлинской стены. Как сторожил сон солдата, заснувшего при защите Белого дома. Припоминали множество фактов его биографии, которыми, по их мнению, он должен был гордиться. Было отрадно, что они все это знали и помнили. Всё

было просто замечательно. Кроме одного. Вопрос открытия музея так и не решался. Возвращаясь с очередного приёма и рассказывая жене о том, как он прошёл, он опасался, что она отчитает его как мальчишку. К его удивлению, она просто улыбнулась и сказала:

– Не ходи больше никуда, Буратино. Пусть это будет наш с тобой личный музей. Рюмку водки и кусочек чёрного хлеба для поклонников Мусоргского мы с тобой всегда найдём.